

стось меня спасъ, говоритъ Толстой, и ничто въ мірѣ иное не могло спасти его. «Въ ученіи Евангелія истина. Тутъ пришло мнѣ спасеніе». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ученіе Христа я почитаю божественнымъ, настолько оно выражаетъ божескія истины. Я не знаю выше ученія. Оно дало мнѣ жизнь».

Приближеніе къ истинѣ Толстой находитъ у многихъ писателей и пророковъ стараго и новаго міра,—у Моисея, Исаяи, Конфуція, Будды, Сократа, Паскаля, Фихте, Фейербаха и др. Но только Христось принесъ всю полноту истины. Ее не зналъ старый міръ. Библия опредѣлила Бога, такъ сказать, въ самомъ себѣ, но не по отношенію къ людямъ. Христось же принесъ вѣсть о томъ, что человѣческая душа хранитъ въ себѣ потенцію божественной правды и можетъ озариться и горѣть ею. По Библии «Богъ—вѣчное, безконечное, внѣ насъ сущее, ведущее насъ, требующее отъ насъ праведности». Это библейское опредѣленіе близко Толстому-раціоналисту, но онъ самъ же его опровергаетъ смысломъ Евангельской истины:—«Христось дополнилъ это опредѣленіе Бога тѣмъ, что исполненіе закона *бываетъ не по разуму и долгу*, а по другому, захватывающему все существо человѣка чувству: по любви, по внутреннему личному стремленію осуществить Законъ». Значеніе священныхъ книгъ